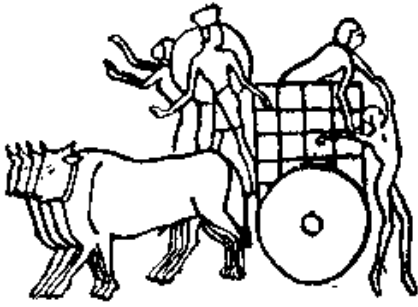


**Вяч.Вс.Иванов**  
(Москва)



## ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ МИГРАЦИИ

Прим. редакции. Данная статья представляет собой лекцию, прочитанную Вячеславом Всеволодовичем Ивановым в апреле 1995 года на годичном заседании Университета Калифорнии в Лос-Анджелесе. Несмотря на то, что в тексте отсутствуют ссылки на литературу, а сама работа носит в значительной мере популяризаторский характер, редакция “Стратума” с удовольствием публикует ее. Стиль лекции, тезисность целого ряда положений как бы резюмируют сложную для непосвященных аргументацию исследователя, упрощают (надеемся, без значительного искажения) восприятие его широко известной концепции происхождения индоевропейского языка и индоевропейцев.

### **Viach.Vsev.Ivanov. Indoeuropean Migrations.**

*Editor's commentary.* The present article is a lecture delivered by Viacheslav Vsevolodovich Ivanov in April 1995 at the yearly session of California University in Los Angeles. In spite of the fact that in the text there are not given any references to literary sources and the work itself bears a touch of popularisation, *Stratum* Editor publishes it with great pleasure. The lecture's style, the thesislike nature of a number of statements as if summarizes the researcher's argumentation which is often difficult to understand for a stanger, simplify (we hope without any considerable distortion) the perception of his widely known concept of Indoeuropean language origin as well Indoeuropeans themselves.

Я бы хотел начать с обзора самых значительных открытий двадцатого столетия. Наиболее ранние известные личные имена и имена божеств, а также заимствованные слова индоевропейского происхождения обнаружены в наибольшем числе в древнеассирийских клинописных текстах, происходящих из малоазийских торговых колоний (Каниш и др.). Такие тексты появляются на рубеже третьего и второго тысячелетия до н.э. и предоставляют явные свидетельства того, что уже по меньшей мере для этого времени в Анатолии были распространены два абсолютно различных индоевропейских диалекта — хеттский и лувийский. Именно из этих-то языков и происходят индоевропейские имена и слова-заимствования. Документы на этих двух языках находят в основном в архивах Хаттусы — столицы хеттского государства, а также в некоторых провинциальных центрах, подобных Машату. Там они накапливались с XVII по XIII вв. до н.э. Я все еще надеюсь на возможные открытия архивов в Вашшуккани — столице Митанни, способных дать ответы на многие вопросы. Но, к сожалению, жители этого региона Среднего Востока в настоящее время скорее пытаются разрушить будущее, нежели воссоздать прошлое.

В качестве примера древнехеттского клинописного текста могут быть продемонстрированы хозяйственные документы с царскими печатями. Лувийские иероглифические печати известны во времена Хеттской империи, но некоторые знаки этого типа появляются уже на печатях древнеассирийских колоний.

Посмотрим на индоевропейские языки второго

тысячелетия до н.э., известные нам благодаря хеттским архивам. На западных границах хеттской империи расположилось морское царство Аххиява. Можно предположить, что большая часть его населения состояла из ахейцев, то есть греков, чье происхождение может быть связано с Малой Азией, откуда они во втором тысячелетии до н.э. переместились на острова Эгейского моря и в материковую Грецию. Древнегреческий как индоевропейский диалект тесно связан с армянским языком и посредством своего исконного имени может быть соотнесен со страной Хайаса в Восточной Анатолии. Индоиранский — другой индоевропейский диалект той же группы. Его древнейшие письменные проявления фиксируются в Митанни-Ханигалбате, в стране со смешанным неиндоевропейским (северокавказским) хурритским и индоиранским (арийским) населением. Похоже, что язык ариев Митанни был своеобразным языком знати, подобно французскому в средневековой Англии. В митаннийских договорах с хеттами в царских клятвах митаннийцев упомянуты индоиранские божества. Вот почему столь важно возможное открытие архивов в столице Митанни Вашшуккани.

Несмотря на то, что греческий так тесно связан с армянским и индоиранским языками, все же эти три индоевропейских диалекта были отделены друг от друга анатолийским лингвистическим союзом (Sprachbund) индоевропейских диалектов, на которых говорили в центральной и южной части Малой Азии: хеттского, найденного в архивах Хаттусы и Машата; палейского в Пале и лувийского в Арцаве, а позднее в



маленьких княжествах на границе Малой Азии и Сирии. Эти так называемые анатолийские индоевропейские языки действительно имеют много общего, но это обусловлено их длительным сосуществованием в одном ареале, по происхождению они достаточно отличны друг от друга. К примеру, лувийский как индоевропейский и армянский относятся к диалектам *satem*, изменяющих индоевропейские палатальные фонемы в спиранты: слово “сердце” в лувийском — *zir*, в хеттском — *kir, kardi-*, в греческом — κηρ, καρδι-; “лошадь” в лувийском — *ašuva* — подобно *ašva* санскрита, в микенском греческом — *(h)iqo(s)*, позднее — ἵπλος.

В нашей книге “Индоевропейский язык и индоевропейцы”, написанной в соавторстве с Гамкрелидзе, мы предполагали, что родина индоевропейцев приблизительно между пятым и четвертым тысячелетием до н.э. может быть локализована в восточной части Анатолии, к югу от Закавказья. Среди основных лингвистических аргументов, говорящих в пользу этой гипотезы, я перечислю следующие. Во-первых, все известные индоевропейские языки второго тысячелетия до н.э. известны либо в самой Анатолии, либо к востоку от нее, как индоиранский (арийский) язык Митанни, либо к западу, как микенский греческий. Таким образом, в это время индоевропейские диалекты распространились не слишком далеко от своей прародины. Во-вторых, протоиндоевропейский словарь и реконструированные фрагменты индоевропейских текстов демонстрируют достаточно определенную материальную и духовную культуру, экономическую и социальную структуры, тип географической среды, которые находят надежное соответствие всему тому, что мы знаем о Ближнем Востоке в тот период, когда началось дробление индоевропейского единства. В-третьих, фонемический и грамматический тип протоиндоевропейского языка имеет много общего с соседними лингвистическими семьями, такими, как картвельская, северокавказская и семитская. Наибольшее значение в этом смысле приобретает пересмотр индоевропейских звуковых стоп как глоттализованных в соответствии с “глоттальной теорией”, выдвинутой князем Николаем Трубецким, оказавшимся первым, кто отметил поразительное фонемическое сходство северо-кавказских и семитских языков. Четвертый и, вероятно, важнейший аргумент, оставшийся напоследок — о сравнении слов, заимствованных из этих и некоторых других языков древнего Ближнего Востока (таких, как шумерский) в индоевропейский и наоборот. Мне бы хотелось особенно отметить связи между древним индоевропейским словарем и семитскими языками. Немало культурных понятий было заимствовано из семитского в индоевропейский. Так, индоевропейское слово, обозначающее “звезду”, от-

раженное в хеттском как “*hašter-*”, в английском — *star*, в латинском — *stella*, было заимствовано из семитских языковых источников, в которых мы находим имя богини Астарты. В качестве разговорных семитские языки употреблялись в Сирии, Месопотамии и к югу от них, то есть в ареалах, в которых преобладали низины, нежели холмистый рельеф, свойственный областям расселения индоевропейцев. В культурном отношении Сирия и Малая Азия кажутся достаточно близкими. Это становится особенно заметно позднее, после распространения в Сирии лувийского языка, в заимствовании хеттами сирийского варианта клинописи, в распространении некоторых элементов сирийской материальной культуры (хеттские модели домов), находящихся аналогии и в Юго-Восточной Европе.

Какие же новые факты, поддерживающие этот взгляд на происхождение индоевропейцев, появились после выхода в свет нашей книги? Колин Ренфрю попытался связать индоевропеизацию Европы с приходом агрикультуры из древнего Ближнего Востока. В публикации профессора Гелба из Чикаго, изданной посмертно, выдвигается идея того, что индоевропейский язык нашел отражение (в определенных формах) в архивах Эблы (Северная Сирия, середина третьего тысячелетия до н.э.; индоевропейский характер некоторых имен, таких, к примеру, как города Хаттусы, засвидетельствованных в архивах Эблы, кажется несомненным). Другая, не менее важная посмертная публикация принадлежит перу выдающегося ираниста Хеннинга. Он допускает связь между тохарцами и гутийской династией в древней Месопотамии. Мы с Гамкрелидзе в совместной статье рассмотрели его гипотезу. Конечно же, в этом случае интерпретация древних текстов все еще остается не совсем убедительной, но наиболее надежные выводы поступают из сравнительного изучения современных языков. Новые данные, открытые недавно Старостиным и некоторыми другими московскими коллегами, определенно говорят в пользу ближневосточной локализации индоевропейской прародины. Они предполагают наличие связи между индоевропейскими и так называемыми северо-кавказскими языками. Северокавказские языки остаются разговорными на Западном, Центральном и Северном Кавказе, но они связаны с хаттским — священным языком хеттской империи, который стал мертвым уже во II тыс. до н.э., с хурритским языком Митанни, а также с урартским. Это позволяет нам предположить, что начальные так называемые северо-кавказские языки были распространены также и к югу от Кавказа.

Все известные индоевропейские диалекты второго тысячелетия до н.э. имеют определенные связи с языками северокавказской семьи. Установлено, что





северокавказские слова-заимствования конституировали важнейшие неиндоевропейские части словарей греков (к их числу относятся такие слова, как ψυχή “душа”) и хеттов. Вот почему было выдвинуто предположение о том, что индоевропейские и северо-кавказские языки находились в контакте начиная с пято-четвертого тысячелетия до н.э. В специальном исследовании Старостин, рассматривая фонемические аспекты проблемы, предполагает, что наибольшее число таких прото-северокавказских культурных терминов было заимствовано в протоиндоевропейский, но не наоборот. В силу этого северо-кавказский язык, согласно Старостину, был субстратным языком для индоевропейского. Это пока еще достаточно спорный взгляд на проблему, поскольку в некоторых случаях (скажем, в названиях лошади (хурритское *išši-*, *ešši-*), серебра и других) северокавказские языки демонстрируют сатемные спиранты, а не начальные палатальные, которые мы видим в протоиндоевропейском (сатемные спиранты находят также в заимствованиях семитских обозначений лошади). Помимо того, в группе таких прото-северокавказских терминов, как *\*fara* “лошадь, жеребенок” (возможно сходное происхождение греческого *πόλος*, староанглийского *fola*, современного английского *foal*, немецкого *Fohlen*) начальная фонема *\*f* была очень редкой в северо-кавказских языках. Но несущественно, каким было направление заимствования. Языковые контакты этих двух прото-языков были определенно доказаны. Недавно, в совместном обсуждении проблемы с петербургским археологом Виктором Трифоновым, мы пришли к заключению, что эти контакты могли иметь место в V — начале IV тысячелетия до н.э., когда Кавказ и весь южный ареал Ближнего Востока практически выглядели как единый культурный регион. Лингвистически может быть доказано, что со своей прародины в Восточной Анатолии хетты и лувийцы после своего разделения на разные диалекты переместились к центру Малой Азии, разрывая связи между греками и армянами, с одной стороны, и индо-иранцами, с другой. Греки были вытеснены этим движением в Западную Анатолию. Это были первые важнейшие миграции носителей индоевропейских диалектов после их разделения.

Особенно интересным выглядит открытие Старостина, согласно которому не только название лошади (греческое *ἵπλος*), но также некоторые термины, служащие для обозначения колесного транспорта, относятся к древним заимствованиям периода индоевропейского и северо-кавказского единства. Слова этого семантического поля оказываются решающими в нашем понимании характера миграций после раздробления индоевропейского единства. Во всех древних и архаических индоевропейских культурных традици-

ях лошади были культовыми животными. Божественные близнецы, подобные Ашвинам санскрита, и столь же легендарные англосаксонские вожди *Hengest* и *Horsa* были названы “лошадинами” именами. В селениях славян и балтов священные ритуальные символы лошадей размещались на крышах домов. Они почитаемы до сих пор (“конек на узорной избе” — А.Блок).

В древние времена дрессировка лошадей была особенно хорошо развита ариями Митанни, чья терминология была заимствована также в хеттские трактаты по коневодству. Сравнительная индоевропейская диалектология установила, что прото-славянский язык содержал множество общих с индо-иранским специфических терминов, относящихся к лошадям; последний, похоже, был особенно богат такой терминологией. Возможно, что среди всех индоевропейцев именно индо-арии впервые развили эту область.

Лошади и колесный транспорт, а именно легкие скоростные колесницы, становятся особенно важными для быстрых и динамических перемещений индоевропейцев на рубеже третьего и второго тысячелетия до н.э. Дрюс в своей недавней книге “*Coming of Greeks*”, принимая нашу точку зрения об индоевропейской прародине, полагает, что распространение индоевропейцев было связано исключительно с использованием ими колесниц (переформулированная идея, высказанная еще в новаторских исследованиях Чайлда). В исключительной настойчивости Дрюса есть некоторое преувеличение. Ведь, как мы могли видеть, ранняя медленная, постепенная экспансия хеттов и лувийцев в Анатолию предшествовала вторжению легких колесниц и использованию лошадей. Но с внедрением последних действительно становятся возможными сверхдальние перемещение сквозь обширные пространства Евразии. Для изготовления колесного транспорта была необходима развитая металлургия. Необходимы были металлические орудия для работы с твердыми породами дерева из горных лесов. Именно из них изготавливались повозки. И начиная с протоиндоевропейского времени бронза была уже знакома индоевропейцам.

Географическое и хронологическое распространение изображений колесного транспорта и его археологические следы на Ближнем Востоке и Кавказе выглядят достаточно впечатляюще. Начиная с рубежа III–II тыс. до н.э. во всем индоевропейском мире найдено множество изображений повозок и лошадей. Они просматриваются на староассирийских печатях в Малой Азии, в египетских изображениях хеттского царя Муваталлиса на его военной колеснице, на лувийском рельефе с воинами из Каркемиша, на лувийских сценах охоты из Малатьи, на картинах лошадей с о.Крит. Из хеттских текстов, касающихся Аххивы,



мы узнаем, что правитель этой страны в юности ездил на колеснице с хеттским принцем, из чего следует, что техника перемещения на колесницах была, возможно, идентична для двух стран. Изображения колесного транспорта Западной Евразии могут быть сопоставлены с древнемесопотамскими погребальными обрядами, в которых используется колесница, и наскальными рисунками повозок из Центральной Азии.

В нашей книге с Гамкрелидзе мы рассмотрели чрезвычайную важность новых археологических открытий на Урале. Среди них, конечно же, особое место занимает могильник Синташта, содержащий погребения с колесницами. В этом регионе было открыто множество подобных захоронений II тыс. до н.э. Я бы хотел упомянуть вкратце о погребении с колесницей у Кривого Озера. Здесь обнаружены: 1) лошадиная челюсть с ритуальными сосудами возле нее и некоторыми другими объектами (фрагменты узды, наконечники дротиков или стрел); 2) останки возничего; 3) костяные предметы; 4) остатки древесного тлена, оконтуривающие форму колеса; мы можем измерить наружную сторону втулки и определить места крепления спиц. Другими словами, реконструкция погребений с колесницами оказывается достижимой. Картографирование основных недавних находок колесниц в Центральной Азии помогает нам более точно наметить пути проникновения индоевропейцев в бассейн Тарима, где значительно позже (во второй половине I тыс. н.э.) в китайском Туркестане (Синьцзяне), в Куче и Карашаре создавались индоевропейские тохарские тексты.

Несмотря на то, что тохарский язык впервые напрямую засвидетельствован только в I тыс. н.э., это чрезвычайно архаический индоевропейский диалект. Это видно уже исходя из тохарских соответствий таким выражениям, как “четвероногий” и “двуногий”, санскрита и греческого, позволяющих предполагать, что греческие сложносоставные слова в известной Эдиповой загадке продолжают раннее наследие так называемого индоевропейского поэтического языка (Indogermanische Dichtersprache).

С точки зрения индоевропейских диалектных связей тохарский язык (как это следует из схемы различных индоевропейских диалектов) тесно сопряжен с хеттским, лувийским и другими индоевропейскими языками Анатолии.

Физический облик тохарцев VII в.н.э. известен по настенной живописи в Куче. Они относились к так называемому кавказоидному типу. Те же антропологические черты просматриваются в древних мумиях, большинство из которых (всего около сотни) обнаружены недавно в бассейне Тарима. Некоторые женские мумии относятся к первому тысячелетию до н.э., остальные ко второму тысячелетию до н.э. Первые, пока еще оспариваемые результаты генетического анализа

этих мумий, полученные группой Лука Кавалли-Сфорца, кажется, указывают на возможную связь с населением Европы.

На лицах мумифицированных мужчин встречается символ солнца. Значительная роль архаического солнечного божества также отражена в поздних тохарских текстах (несмотря на их буддистский характер), а кроме того, подтверждена заимствованием тохарского слова “солнце” в местные языки (древнетюркский).

Скорченное положение мумий может быть сопоставлено со сходным положением скелетов в погребениях культур, определенно связываемых с индоевропейским населением Европы. Мумии одеты в окрашенные шерстяные одежды. Компьютерный образ лоскутка шерсти из бассейна Тарима показывает вытканную саржу, которая известна также среди тканей этого времени в Центральной Азии и в Северной Европе, а еще раньше на Южном Кавказе, куда она попадает, скорее всего, согласно исследованиям Элизабет Баркер, из Центральной Анатолии (Алишар, эпоха ранней бронзы). Комбинация различных цветов, составляющих триаду из голубого, белого и коричневого, точно соотносится с описанием символической роли этой цветовой триады в хеттских ритуальных текстах. Таким образом, изучение этой текстильной техники может быть увязано еще и с исследованием индоевропейского цветового символизма.

Пути передвижения языковых предков тохарцев через Центральную Азию могут быть частично реконструированы в значительной степени благодаря сохранению в лингвистической структуре тохарского языка явных следов контактов с финно-уграми. Эти контакты также оказались важными и для предков иранцев, чей язык повлиял на прото-финно-угорский. Возможные пути миграций этих диалектов через Центральную Азию становятся особенно правдоподобными, если учесть что такие восточные иранцы, как скифы, переместились через Восточную Европу, в которой наиболее значительные реки, от Дона до Дуная, до сих пор сохраняют восточно-иранские названия. Названия рек и гидронимов особенно консервативны. Даже в тоталитарных странах они не переименовываются, в отличие от названий городов и улиц. Таким образом, начальные следы индо-иранцев на Кавказе могли бы проследиваться в таких названиях рек, как Кубань. Миграция древних иранцев документирована очень архаичными заимствованиями из их языка, содержащимися одновременно в прото-картвельском и в прото-северо-восточно-кавказском языках. И иранцы, и индо-арии мигрировали в Предкавказский регион. Скорее всего, индо-арии переместились на Кубань из Митанни еще до того, как они захватили центры так называемой прото-индийской харапской





культуры. Таким образом, индоевропейцы мигрировали со своей гипотетической прародины либо на Восток в Иран, затем Афганистан, Индию и Центральную Азию, либо на Запад — Балканы или Кавказ. В нашей книге с Гамкрелидзе мы предположили, что западные индоевропейские диалекты пришли в Европу с Востока. Эта гипотеза может быть частично согласована с поздними идеями Марии Гимбутас о роли ямной археологической культуры. Недавно Мэллори и Энтони высказали предположение о дисперсности индоевропейского языка от восточно-европейского ареала до выдающегося к востоку Центральной Евразии другого ареала. Несмотря на то, что последний регион особенно важен для понимания миграций тохарцев и связей между ними и иранцами, с одной стороны, и финно-уграми — с другой, эта схема все еще не может объяснить раннее распространение хеттов и лувийцев в Малой Азии, а также всю описанную выше картину. Если бы контакты с северо-кавказскими языками могли иметь место в регионах к северу от Кавказа, то становятся труднообъяснимыми все связи таких языков, как семитский и картвельский.

Энтони в чем-то прав, допуская существование нескольких прародин. Могло быть, что изначальная индоевропейская прародина, более древняя, чем V тыс. до н.э., могла быть размещена значительно ближе к иным языкам широкой ностратической макросемьи, существование которой было доказано В.М.Иллич-Свитичем. Так как все родственные индоевропейскому ностратические языки были разговорными либо к востоку от Каспийского моря (такие, как уральский и алтайский, а также раннедравидский до его перемещения к югу), либо к западу от него (как картвельский), то могло быть, что древнейшая индоевропейская прародина после дробления прото-ностратического языка (более чем 10 тыс. лет назад) была размещена где-то неподалеку от Каспийского моря, возможно, очень близко к картвельскому языку. Из этой каспийской прародины индоевропейцы позднее переместились на запад, в регион, близкий к озерам Урмия и Ван. Как отмечали Эрнст Леви и Николай Трубецкой, тип прото-индоевропейского языка изменился от сходства с уральским и алтайским в сторону большей близости семитскому (последний, как вся афро-азиатская семья, не являлся членом ностратической макросемьи, несмотря на то, что она была родственна ей на другом, более древнем хронологическом уровне).

Энтони несколько преувеличивает значение находок многочисленных лошадиных костей из Деревки, в которых он увидел принадлежность памятника к области индоевропейской прародины. Скорее, обитатели этого памятника просто поедали в большом количестве лошадей, как, например, это делали значи-

тельно позже балтийские племена древних пруссов. То есть находки лошадиных костей — еще не свидетельство одомашнивания лошадей. Более интересны наблюдения Энтони, касающиеся лошадиных зубов, найденных в том же ареале. Вероятно, население только пыталось приручить дикую лошадь, но находилось лишь на начальной стадии этого опыта. В данном случае лучше следовать совету русской поговорки и не заглядывать в зубы коню, поскольку именно это непосредственно не решает проблему родины индоевропейцев. Несмотря на то, что лошади и колесницы наиболее важны как средства скоростного перемещения, все же их археологическая фиксация не указывает непосредственно направления поисков той области, из которой вышли индоевропейцы. Для установления такого места необходим целый пучок признаков, а не одно или два, пусть даже ярких свидетельства. Было бы тщетным решать проблему первооткрывателей Америки только на основании изучения их кораблей.

В опровержение доводов Энтони: только некоторая часть индоевропейцев, а именно иранцы, приняли участие в миграциях через всю Центральную Азию и Восточную Европу. Появление индоевропейцев в Европе может быть увязано с первой их миграцией с Востока: это был путь восточных иранцев, приход которых прослеживается в названиях рек. Вторая миграция могла идти балканским путем. Это выглядит правдоподобным не только для дорийцев, но также и для древних фригийцев (которые позднее вернулись в Малую Азию) и современных албанцев, чей сатемный язык лексикостатистически близок греко-армяно-индо-иранской подгруппе. Последнее подтверждается и некоторыми грамматическими изоглоссами. Третий возможный путь мог быть морским. В таком случае можно было бы связать средиземноморскую морскую миграцию индоевропейцев второй половины II тыс. до н.э. с Троянской войной, упомянутой в лувийских текстах, а также с движением “народов моря” египетских источников; некоторые из этих народов предположительно могли быть индоевропейцами. Этот морской путь мною обсуждался с Виктором Трифоновым в нашей беседе. Когда индоевропейцы пришли в Европу, они обосновались в основном в ее южной и центральной частях (объединив прежде всего кельтов, италийские народы, германские и иллирийские племена, а также балтов и славян), где распространены древне-европейские гидронимы. Очень интересные параллели этим гидронимам существуют в Малой Азии. Относительно поздние движения на Восток могут быть реконструированы на основе гидронимов, особенно для славян, как это было сделано Юргеном Адольфом. Также и для балтов исходная область перемещения на северо-восток, скорее



всего, находилась в юго-западном регионе, граничащем где-то на юге с Балканами. Древнейшее балтославянское единство было лексически и грамматически очень близким к германскому. Нет особой нужды рассматривать движение германских племен и народов, мигрировавших на север и северо-запад Европы, а затем в Америку и другие части света. Я упомяну вкратце постепенное распространение латинского языка. По происхождению это был один из италийских диалектов индоевропейского языка, который, находясь в границах древнеевропейской (или западноевропейской) диалектной субгруппы, был очень близок кельтскому, доминировавшему в Западной Европе. Продолжительный симбиоз латинского и этрусского в Риме сейчас может быть рассмотрен как один из многих примеров взаимодействия древнего индоевропейского и северо-кавказского языков, если следовать идее великого датского лингвиста Вильгельма Томсена, впервые высказавшегося еще в начале столетия в пользу северо-кавказского происхождения этрусского языка. Этот язык, достаточно близкий хурритскому, был занесен из Малой Азии на Апеннины морским путем. Сам же латинский язык из локального римского вырос до господствующего койне, став основным средством общения обширной Римской империи. После ее развала латинские диалекты ста-

новятся независимыми романскими языками, распространившимися позднее и на другие части света, что легко пронаблюдать на примерах испанского и португальского в Южной Америке.

Возвращаясь к исходной постановке проблемы, мы могли бы задаться вопросом о том, в какой мере первоначальное расселение индоевропейцев и первый разрыв, приведший к распространению лувийского и хеттского, могли быть вызваны исторической катастрофой, скажем, катастрофой, типологически сходной в известном смысле концу Римской империи. Мы не должны исключать в своем поиске исторических обстоятельств распространения индоевропейского языка и иные факторы, как, например, демографическое давление, наверняка проявившееся после внедрения новых технологий в сельском хозяйстве. В любом случае историки должны дать хоть какое-то приемлемое объяснение лингвистически установленному факту случившегося около рубежа V-IV тыс. до н.э. разрыва прежнего сосуществования северо-кавказского и прото-индоевропейского языков и последующего распространения индоевропейских диалектов в Евразии.

Согласно Шлегелю, историк — это пророк, обращенный вспять. Сравнительная лингвистика могла бы претендовать на то, что частично исполнила эту пророческую задачу.

